

18+

Валерий Сафронов

УЗКАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Валерий Сафронов

Узкая специальность

«Издательские решения»

Сафронов В. Ф.

Узкая специальность / В. Ф. Сафронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679426-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книжка, не большая объяснительная записка, а лишь сборник разных историй, случившихся с врачами, как узкими, так и не очень, в разные годы их насыщенной событиями жизни. Что-то здесь передано в точности, что-то досочинено, чего-то, может, и вовсе не существовало, ведь человеческая память имеет некоторые особенности.

ISBN 978-5-00-679426-9

© Сафронов В. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Моча в голову	6
За линию горизонта	8
Недетские неожиданности	10
Давите до упора	11
Напиток для деточки	13
Профнепригодность	14
Танец с саблями в голове	16
Польза и вред моржевания	20
Как скорая помощь ходила в оперу	23
Ничем не удивил	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Узкая специальность

Валерий Фёдорович Сафронов

Корректор Алексей Леснянский

© Валерий Фёдорович Сафронов, 2025

ISBN 978-5-0067-9426-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

Когда-то Ф. М. Достоевский устами одного из персонажей заметил, что теперь все врачи – узкие специалисты. Заболел у вас, к примеру, нос и вы приходите к врачу, который лечит эти самые носы. А он вам и говорит, дескать: «Я лечу только правую ноздрю, а у вас левая!» – «И что же мне делать?» – недоумеваете вы. «А поезжайте-ка, батенька, в Германию, лучше всего в город Дрезден. Вот там и лечат эту самую левую ноздрю!»

Между тем эта книжка не большая объяснительная записка, а лишь сборник разных историй, случившихся с врачами (как с узкими, так и не очень) в разные годы их насыщенной событиями жизни. Что-то здесь передано в точности, что-то досочинено, чего-то, может, и вовсе не существовало, ведь человеческая память имеет некоторые особенности.

Моча в голову

Сначала в кабинет вошла его жена:

– Доктор, повлияйте на мужа, он всю семью уже извел своим оздоровлением.

– В смысле?

– Питается только сырыми овощами, мяса не ест, а пару лет назад стал пить мочу. Короче, ведет себя как идиот!

– Как же я на него повлияю?

– Объясните ему, что так жить нельзя!

– Вряд ли получится. Дело в том, что если человек вбил себе в голову такое, то доктор вряд ли поможет. Даже психиатр.

Я посмотрел его анализы, и в глаза бросилась интересная вещь: при общем низком уровне холестерина были повышены триглицериды и липиды низкой плотности.

– Доктор, посмотрите его артерии, он считает, что они у него чистые, а все к нему придираются.

Мне стало интересно, и, когда жена вышла и появился сам сыроед, я на всякий случай спросил:

– Для чего смотреть ваши сосуды? Вы и так все знаете лучше всех.

– Чтобышний раз убедиться, что я на единственно верном пути!

– Вы уверены?

– Абсолютно уверен, потому что уринотерапия и сыроедение – единственно верный путь к полному оздоровлению организма!

Пациент, которому было 70 лет, одарил меня пронзительным белесым взглядом и устоялся в дальний угол кабинета, вероятно, надеясь увидеть там этот свой самый верный путь.

– Ну вот сейчас и посмотрим...

– Да уж будьте любезны!

Я навел датчик на ближнюю ко мне сонную артерию и тотчас в районе развилки обнаружил большую кальцинированную бляшку, перекрывающую просвет артерии на 70%. Целое созвездие бляшек определялось в области устья внутренней и в обеих подключичных артериях. Похожая картина наблюдалась и с другой стороны. Когда я закончил исследование, пациент окинул меня победоносным взглядом, мол, «я же говорил, что мой путь единственно верный...»

«Му way», – вспомнилась вдруг знаменитая песня Фрэнка Синатры, где первые строчки в переводе звучали примерно так: «Теперь конец близок, и я стою на последнем рубеже; друзья, я обо всем расскажу вам, расскажу о том, в чем абсолютно уверен...»

– Ну так что, я был прав? – спросил сыроед.

– Ничем обрадовать не могу: у вас выраженные нарушения липидного обмена, которые проявляются образованием множественных бляшек, и это требует приема специальных препаратов, статинов. Между тем я бы еще назначил вам КТ артерий с контрастированием.

– Для чего это?

– Для того, чтобы точно определить процент стеноза, потому что если этот процент выше 70, то надо решать вопрос об операции.

– Еще чего не хватало! Никаких операций!

– Я на операции не настаиваю, но с таким состоянием магистральных артерий высок риск инсульта. Принимайте хотя бы статины...

– Ваш прибор врет, я полностью здоров, и это благодаря выбранному раз и навсегда единственно верному жизненному пути! Вы еще расскажите, что и уринотерапия вредна!

Это уже было выше моих сил. Тотчас вспомнилась история из скорой помощи, когда я еще был студентом и на одном вызове бабушка пожаловалась на ушиб коленного сустава:

- Я даже и мочой прикладывала, все равно не помогло!
- Что ж одной мочой-то? – усмехнулся доктор. – Надо было еще и калом.
- Вы думаете?
- Даже не сомневайтесь.
- Тогда погодите, я сейчас схожу в уборную...

В самом конце приема я сказал сыроеду:

– Про уринотерапию лучше промолчу. Нравится пить мочу – пейте, хоть душ из нее принимайте, только другим не рассказывайте, как это замечательно. К тому же вы живете среди людей и не всем приятна ваша уринотерапия.

Кстати сказать, приверженцев уринотерапии сейчас как-то заметно поубавилось. Даже странно. Может, потому, что один из Малаховых куда-то пропал? А этот сыроед, наверное, у меня на приеме был единственным за последнюю пару лет. Действительно, пожалуй, что правы были древние, когда говорили: «Меняются времена, и мы меняемся вместе с ними». Хочется на это надеяться.

Конечно, с сыроедом все ясно. Ему хоть кол на голове теши, а ничего не докажешь. Тем более он сыроедением занимается давно, моча для него – божественный нектар, а мясо и другие виды белковой пищи, возможно, забыл, когда и пробовал. И ведь до сих пор жив. Единственный вопрос: зачем обращаться к врачам, раз сам такой умный?..

Между тем интересен механизм развития холестериновых бляшек именно у сыроедов. Дело в том, что отказ от животных белков и жиров приводит к значительному снижению липидов высокой плотности, или так называемого «хорошего» холестерина. Эти липиды имеют максимальное количество белка в своем составе (52%) против 21% белка в липидах низкой плотности. Поэтому общий дефицит белка приводит к снижению ЛПВП, таким образом повышая общий уровень атерогенности, что способствует развитию атеросклероза даже при низком уровне холестерина. Лишний (то есть неиспользованный клетками холестерин) из-за дефицита ЛПВП нечем выводить обратно в печень. Это приводит к тому, что «плохой» холестерин начинает оседать на стенках сосудов, постепенно образуя холестериновые бляшки, а мелкие периферические сосуды может просто заклеивать. Эта тенденция хорошо заметна в анализах сыроедов, которые имеют недостаток белков и жиров в рационе. Их коэффициент атерогенности бывает высоким, а общий холестерин – низким. Отсюда и бляшки в магистральных артериях.

За линию горизонта

Саша Караваев жил со мной в одном дворе. С детства отпечатался образ модного мотоциклиста, гоняющего на самой престижной по тому времени красной «Яве». Довольно шустрый был мотоцикл и, главное, негромкий, своим дизайном и прочими прибаутками дававший изрядную фору отечественным моделям. Между тем «Ява» была хороша лишь для города и шоссе, а вот на бездорожных просторах нашей страны как-то терялась.

В нашем районе фанатов «Явы» была небольшая компания: парни все в ярких шлемах, крагах, кожаных куртках и «казаках» – остроносых сапогах. И обязательно в сопровождении хорошеньких девушек, одетых под стать своим спутникам. Как тут не позавидуешь: блестящий мотоцикл и девушка, готовая мчаться с тобой на край света.

Пожалуй, Саша Караваев был наиболее скромным представителем этой мотоциклетной компании. А наиболее брутальным являлся его приятель Разгонов, и аксессуары у него были самые навороченные, и девушка лучшая по имени Эльза. Поэтому многие из моих сверстников глядели на них с замиранием сердца, дескать, и мне бы так – на красном мотике с такой девушкой, как Эльза. И повторяли наперебой: «Разгон, Разгон...» Я вообще был уверен, что Разгон – это прозвище, оказалось – фамилия.

Время неумолимо, а жизнь крутится по спирали. Спустя годы и Разгонов, и Караваев стали моими пациентами, потому что я начал работать в поликлинике, где они жили и когда-то жил я. Разгонова я даже не признал. Неудивительно. Он сильно изменился: из стройного и поджарого парня превратился в тощего трясущегося старика. У него были серьезные проблемы с позвоночными артериями и как результат повторных инсультов нарушились равновесие и координация, к тому же стали повторяться эпизоды расстройства сознания. И это в 55 лет.

У меня на приеме он был несколько раз, и я его с трудом вспомнил, лишь узнав его жену – ту самую обворожительную когда-то Эльзу. Она тоже изменилась, куда-то подевались солнечные кудри, осиная талия и умопомрачительные ножки. И лишь одни оливковые глаза по-прежнему источали какой-то еле уловимый загадочный свет.

С Караваевым творилось что-то непонятное. Где его только не консультировали, а точного диагноза не было. У него происходили состояния неполного отключения сознания, сопровождавшиеся кратковременной мышечной слабостью. Эпилепсия? Не похоже. Синдром позвоночной артерии? Тоже как-то не вязалось, ведь при таких приступах человек падал на пол и отключался полностью. А у Саши возникали состояния, когда он буквально обмякал, у него опускались веки, клонилась к полу голова и вместо внятной речи он бормотал нечто нечленораздельное. А минуты через 3—4 быстро приходил в себя. В конце концов все ограничилось диагнозом: сосудисто-мозговая недостаточность. А приступы продолжались, и никакие сосудистые препараты не помогали. Однажды он меня спросил, может ли со своим заболеванием получить группу инвалидности. Вот, мол, у Разгонова нечто похожее и он уже инвалид 2 группы, а я, дескать, до сих пор нет...

– Но у Разгонова было несколько инсультов, и он ходить-то может лишь в сопровождении жены, а у тебя ничего такого не было. Тем более ты до сих пор на машине ездешь, чего, кстати, с учетом твоих приступов делать категорически нельзя!

– Но как жить без машины?! – возразил он. – И эти мои приступы возникают, когда я только иду, а сидя никаких приступов нет.

В конце концов я отправил его документы на МСЭ. И с учетом всех проблем ему дали 3 группу инвалидности. Примечательно, что через несколько месяцев разразился скандал. Дело в том, что Саша жил в том же доме, где находилась районная МСЭ, и они однажды увидели, как он садился за руль, и, следовательно, никакой он не больной, а лежеца – и все эти приступы выдумал!

Я потом с трудом объяснил, что раньше он вообще ездил на мотоцикле, а то, что сейчас ездит на машине, потому что ему так легче, чем идти пешком, он ведь всю жизнь ездит. Однако на машине ему, конечно же, категорически нельзя, и я прослежу, чтоб не ездил, а если будет продолжать, то напишем заявление в милицию. Короче, отстоял. Но и Караваева предупредил, что еще одна такая поездка – пусть пеняет на себя.

Разгонов радовался:

– Молодец Каравай, всех одурачил!

– Ничего не одурачил, а действительно имеет серьезные проблемы со здоровьем.

– Что-то Эдику, несмотря на все ваши усилия, совсем не становится лучше, – беспокоилась Эльза.

– Ну а как улучшится, он ведь у вас курит не переставая и еще, по-моему, регулярно прикладывает к рюмке. Не забывайте, что у него генерализованный атеросклероз со стенозом в базилярной артерии, причем около 90%, и я не понимаю, как он вообще у вас еще ходит!

– Выпивает, да, но немного, бутылку портвейна в день, но не больше.

– Бутылку портвейна в день?!

– Но это за весь день. Ведь у Вадика бывают по ночам такие приступы, когда просыпается и не может пошевелить ни рукой, ни ногой!

Я удивился. Приступы по типу каталепсии пробуждения?

– А когда выпивает, этих приступов нет.

Потом посмотрел имеющуюся литературу по нарколепсии и был разочарован: ее оказалось крайне мало. К тому времени я уже был уверен, что у обоих приятелей имелась именно нарколепсия. Только у Караваева это были дневные приступы генерализованной мышечной слабости, а у Разгонова пароксизмы катаплексии пробуждения. Что, кстати, совершенно не исключало ишемии в позвоночных артериях, имеющейся у обоих.

Что их еще объединяло? Увлечение мотоциклом в молодости?

Но это вряд ли имело сейчас значение, если только не было серьезных черепно-мозговых травм. А они оба наличие травм отрицали. Алкогольная зависимость? Однако Караваев выпивал умеренно. И настаивал на том, что приступы слабости у него возникли из-за сумасшедшей мамы, с которой ему пришлось жить, переехав от жены к маме, и за ней следить, чтобы не включала газ.

Правда, оба (и Караваев, и Разгонов) являлись заядлыми курильщиками. Однако сколько вокруг курильщиков, имеющих другие проблемы со здоровьем и легко обходящихся без нарколепсии.

Что еще известно о нарколепсии? То, что вызывается дефицитом орексина, который является гормоном пробуждения, этот гормон вырабатывается в гипоталамусе, главном вегетативном центре. Могут ли влиять продукты сгорания табака на выработку орексина? Пожалуй, у некоторых людей могут, но стоит только перестать курить – и приступы нарколепсии прекратятся.

Недетские неожиданности

Некоторые врачи поликлиники первыми сталкиваются с разного рода неожиданностями. Допустим, приходит участковый врач на дом к тяжелому больному, как он думает. А больного нет на месте. Неужели госпитализировали уже? Соседи говорят, действительно этот тяжелый больной вызывал врача еще утром, не дождался и куда-то ушел. Может, в аптеку, может, в магазин, а может, в баню. Горячей воды неделю нет, а человеку перед приходом врача, может быть, надо помыться. Да мало ли куда он мог пойти! Может, вообще ушел на вокзал и куда-нибудь уехал. К примеру, в Крым.

А что ему, ждать три часа, пока доктор придет? Но ведь вызовов много, а мы не скорая помощь, оправдывается врач. А скорая помощь, говорят, у него уже ночью была два раза, ругалась, правда, что зря вызывал, потому что здоровым людям они никакую помощь не дают. По шее, говорят, могут еще дать, если пациент здоровый, а помощи никакой. Вот и вызвал врача из поликлиники, ему, в общем-то, безразлично, какую помощь дают их врачи, потому что больничный лист нужен. Потому что с учетом новых открывшихся обстоятельств в уголовном следствии лучше взять больничный лист. Так ему адвокат сказал. А то, что подследственный врача не дождался, так это его дело. Правда, теперь вот и будет всю оставшуюся жизнь маяться без больничного листа. Потому что никакой управы на вас, медиков, давно уже нет! И ваша медицина пока не успевает за общественным мнением и неуклонным ростом потребностей трудящихся. В частности – ростом потребностей в больничных листах.

По правде говоря, пациенты в поликлинике случаются разные. Одна, к примеру, сорокалетняя девушка как-то написала жалобу сначала во все страховые компании, потом в комитет здравоохранения, потом в министерство с требованием направить ее к личному врачу президента, чтобы тот удалил жир у нее с ребер. «Я же, – говорит, – имею право на выбор врача? Имею. Вот и выбрала того, кого посчитала лучшим по ребрам на сегодняшний день и кому доверяю. А врачам своей поликлиники не доверяю, особенно врачу-отоларингологу, который наотрез отказался выполнить эту оздоровительную процедуру». Всем этот жир вместе с гландами удаляет, а ей отказался. Между тем в приемной президента ответили, что, конечно, пациентка согласно такой-то статье имеет право на выбор врача, даже на выбор отоларинголога. Только вот вряд ли отоларинголог (а уж тем более личный отоларинголог президента) занимается тем, что удаляет жир с ребер. Так что лучше всего обращайтесь со своей проблемой по месту жительства. «Но я, – говорит, – по месту жительства уже была, и мне отказали, поэтому и написала жалобу во все страховые компании. И я точно знаю, что у вас тут целыми днями натурально удаляют у своих пациентов этот жир, поэтому запишите и меня на это мероприятие, я, – говорит, – вас за это отблагодарю».

Давите до упора

Домохозяйка Елена Петровна, приготовив для домочадцев завтрак, ранним субботним утром села передохнуть в своей сверкающей чистотой кухне. Неизвестно, сколько бы времени она так и сидела, но неожиданно ее взгляд озарился каким-то светом, по губам скользнула загадочная улыбка, и Елена Петровна тотчас схватила свою общую тетрадь с кулинарными рецептами и синий фломастер. Несколько минут спустя красивым почерком был написан следующий текст: «Чтоб обойтись без дезодора, дави на кнопку до упора!»

Затем при помощи тонких полосок пластыря Елена Петровна водрузила миниатюру на белом кафеле туалета между сливным бачком и фановой трубой. Завершив творческое действие, она вернулась на кухню в готовности принять восторженные отзывы, которые, к слову, не заставили себя долго ждать. Первым проснулся зять Антоша. Он прошлепал босыми ступнями сначала в коридор, где, чиркнув зажигалкой, закурил и направился в уборную.

«Плохо, конечно, что Антоша курит натошак...» – подумала Елена Петровна, но тут же улыбнулась, вспомнив слова своего мужа Пал Палыча, цитирующего Зоценко: «Человек он интеллигентный, в сортир всегда с папироской ходит...»

Антоша и вправду был интеллигентный, ни одного слова поперек никогда ей не высказал. Чудо, а не зять. Словно в подтверждение мыслей Елены Петровны из туалета послышался раскатистый Антошин басок:

– Хе-хе! От души и до упора... вот это да!

Через полчаса туда же проследовала дочь Наталья. И трех секунд не прошло, как из туалета раздался ее залиvistый смех:

– Ух, шедевр! Ну, мам, ты даешь!

А затем уже места общего пользования посетил глава семейства Пал Палыч. Он долго возился в туалете, постукивал крышкой унитаза, гремел дверьми шкафчика и лязгал инструментами. После чего шумно спустил воду и ушел в ванную, но так ничего и не сказал. Елена Петровна насторожилась. Дети, подмигивая друг другу, стали усаживаться за стол. Вскоре на кухне появился и Пал Палыч. Он уселся на свое место, посмотрел в тарелку с гречневой кашей, на именную кружку с чаем, провел ладонью по белоснежной скатерти и только после этого хмуро и неторопливо пропел:

– Для нас все средства хороши, дави на кнопку от души!

Все засмеялись. А наиболее радостно, конечно, Елена Петровна.

– Мама, ты у нас талант! – сказала Наталья.

– Поэзия! – поддакнул Антоша, облизывая ложку, и попросил добавки.

– Давай дави без разговора, чтоб все избежать позора! – заметил Пал Палыч и налил себе еще чаю.

Покончив с завтраком, все разбрелись по своим комнатам.

Спустя час Пал Палыч позвал Антошу помочь ему в ванной подтянуть на смесителе вентиль. Выйдя из туалета с гигантской отверткой, он посмотрел на Елену Петровну, колдующую с поварешкой над кастрюлей с таинственным блюдом, от запаха которого разволновался аппетит, и опять задумчиво продекламировал:

– Дави на кнопку от обеда до забора на всем периметре семейного простора!

Антоша уронил себе на ногу гаечный ключ, а Елена Петровна озарилась вопросительной улыбкой. Наконец, подтянули вентиль. Но не прошло и получаса, как Наталья с силой нажала на кнопку. И тут же из бачка вылетело опорное кольцо вместе с пружиной. Пришлось чинить и его. Механизм сильно заржавел, и провозились почти до обеда. Пал Палыч ругался:

– Вот! Додавили до упора!

И наклонился к Антоше, добавив вроде как только для него, но услышали все:

– Научи дурака Богу молиться, он себе не только башку разобьет, но еще и весь паркетный пол переколошматит!

Потом вымыли руки и сели обедать. Пал Палыч не спеша ел чохохбили, приправленный диковинными травами, по-грузински окуная белый хлеб в густой наваристый бульон, и, словно сибирский кот, время от времени мурлыкал себе под нос:

– Дави на газ, на мысли и на кнопку, чтоб избежать в итоге нервотрепку!

Елена Петровна всплеснула ладонями:

– Павлик, тебе не нравится моя еда?!

– Еще не разобрал.

– Посмотрите на него, – всплеснула руками Елена Петровна. – И это вместо благодарных слов восхищения!

– Что-то я не понял: это что было: суп или второе? – сытно произнес Пал Палыч, оставляя пустую тарелку.

– Чохохбили!

– А-а, значит, закуска.

После обеда тесть с зятем расположились в гостиной смотреть по телевизору футбол.

– Ну что? – потирая руки в предвкушении интересного матча, спросил Антошу Пал Палыч. – Погнали наши городских?..

А вскоре из гостиной раз за разом стали доноситься то Антошины вопли, обращенные к форварду, бьющему мимо ворот:

– Мазила!

То нелицеприятные эпитеты, должно быть, предназначенные судьбе:

– Очки надень, юродивый!

То требовательные рекомендации Пал Палыча:

– Дави! Дави! Дави!!! Дави до упора шпану эту замоскворецкую!

Наконец Елена Петровна не выдержала. Она выскочила из кухни, распахнула дверь в туалет, сорвала со стены миниатюру и, вбежав в гостиную, швырнула ее скомканной в Пал Палыча:

– Получай, изверг! Всю жизнь ты мне сломал своими солеными матросскими шутками!

– Ленушка, да что ты, Ленушка! Я ведь не хотел... мы ведь только с Антошей про футбол!

Но Елену Петровну было уже не унять. Она лежала на кровати в спальней и, рыдая, без конца причитала:

– Изверг, изверг, изверг...

А возле нее хлопотало все семейство: и Наталья, и Антоша, и Пал Палыч со стаканом валокордина в дрожащей руке.

Напиток для деточки

Зоя Черкасова родилась в Ленинграде в середине января в первую блокадную зиму. Еле выходили. В эвакуацию ее вместе с мамой удалось отправить в марте 1942-го. Потом Зою лечили от дистрофии и анемии практически безуспешно. К тому же она не переносила коровье молоко, буквально от глотка ее сразу тошнило, а козьего было не достать. У ребенка отсутствовал аппетит, были признаки анорексии, вследствие чего значительно отставала прибавка в росте и от родителей требовались невероятные усилия, чтобы влить ей в рот хотя бы ложку супа. Но как-то выжила.

После войны отец работал главным инженером одного из ленинградских НПО. У предприятия была совместная работа с инженерами из Грузии. Когда грузины увидели истощенную Зою, тотчас сказали: «Мы поможем девочке!»

И в следующий свой визит привезли целый ящик «Хванчкары». Сказали: «Это лекарство надо принимать три раза в день!»

«Но ведь ребенку вино нельзя!» – воспротивилась мама.

«По маленькой ложке, э-э! Вино – это Божий дар, поэтому его у нас пьют даже младенцы, помогает от всех болезней!»

Грузины были настолько убедительны, что отец стал давать чудо-вино Зое по чайной ложке перед едой три раза в день. Понемногу появился аппетит, добавилось бодрости, в анализах крови в отношении анемии стала определяться положительная динамика. Шло время, ребенок постепенно привык к вину, а по мере роста немного увеличилась и доза – чайную ложку заменила десертная.

Когда грузины перестали ездить в Ленинград, они стали передавать вино через проводников поезда. Потом и этот ручеек иссяк.

В возрасте 13—14 лет у Зои снова появились признаки анорексии. Тогда ее показали знаменитому ленинградскому терапевту – профессору М. Д. Тушинскому. Узнав, что Зою долгое время лечили «Хванчкарой», профессор задумался:

– Натурального вина в Ленинграде не найдешь, даже не знаю, какой нужно иметь блат, чтобы его достать. А начинать лечение непонятно чем не надо и пробовать, еще отравите ребенка.

– А если кагор? – спросил отец.

– Не стоит и кагор, а посему... – профессор погладил Зою по головке. – Лучше пей, деточка, водку.

Мама снова была на грани обморока:

– Но как же это – водку?!

– Буквально по капельке перед едой. Водка – это же лекарство, когда в очень малых дозах. Берите «Столичную» и давайте по наперстку три раза в день, чтобы немного стимулировать аппетит.

С тех пор так и повелось в течение многих лет. У Зои даже специальная рюмочка сохранилась – миниатюрная серебряная, которой до сих пор и пользуется. А здоровье? Есть, конечно, кое-какие жалобы. Но соответственно возрасту. Все-таки уже за восемьдесят. Недавно и УЗИ брюшной полости делали, и сосуды шеи смотрели, и ЭКГ-мониторинг провели – все вроде бы слава богу.

То, что именно алкоголь в малых дозах стал главной причиной отсутствия многих серьезных заболеваний, – вопрос, конечно, спорный. Существуют и другие факторы, к примеру, хорошая наследственность. Но все же во всем этом что-то такое есть.

Профнепригодность

Калюжин напоминал индейца Винету, находящегося в перманентном ступоре. Он появился в нашей группе на 5 курсе из восстановленных студентов, отчисленных в свое время за неуспеваемость. И было непонятно, за что же его отчисляли, ведь Калюжин являлся прилежным студентом, хорошистом, посещавшим все практические занятия и лекции. «Ну мало ли что, может, долго болел, может, что-то личное, а на академку не потянул», – решили мы и расспросами не доставали.

Когда после занятий отправлялись пить пиво, Калюжин шел с нами, но, выпив маленькую кружку и постояв для приличия у пивной точки пять минут, уходил в столовую, всякий раз добавляя, что потом ему в библиотеку. И никогда не участвовал в продолжении студенческого банкета. Да и вообще, к алкоголю был равнодушен, разве что пару бокалов вина по праздникам. Ведь родом он был с юга, а люди в тех краях знают толк в хорошем вине.

Многие из нас с четвертого курса работали. Женатые парни умудрялись вкалывать фельдшерами на целую ставку. И это на дневном обучении, то есть работая практически без выходных. Калюжин только учился. Вероятно, ему хватало стипендии, может, помогали родители. Выглядел он неуклюжим увальнем, постоянно думающим какую-то тяжелую думу или в перерывах от думы дремлющим. Однако по всем предметам успевал. В какой-то момент у меня вышла эпитафия:

Калюжин думами нагружен,
Все дремлет, дремлет, что-то ждет;
Проснется скоро, как Бестужев,
И супротив царя пойдет.

Между тем супротив царя Калюжин все не шел, совершенно не касаясь политики и предпочитая разговаривать лишь на медицинские темы.

На пятом курсе зимой у нас была какая-то уж очень продолжительная сессия, 6 или 7 экзаменов, и для стипендии можно было получить пару троек. Прошло уже много лет, и сейчас трудно вспомнить, что это были за предметы. Но точно помню, что помимо госпитальных терапии-хирургии еще были судебная медицина, детские болезни, психиатрия, гинекология. В гинекологи стремились единицы. Студенты-парни больше интересовались урологией. А девушки – наоборот. Вероятно, сказывалось пуританское советское воспитание.

Наш однокурсник Сысоев говорил на каждом углу, что видит себя в будущей жизни только гинекологом. На это у него была веская причина, ведь его дедушка во время войны был главным гинекологом Первого Белорусского фронта.

Перед самой сессией все студенты, не получившие зачета по гинекологии, собрались в кабинете доцента Агамирзяна. Среди должников оказался и Сысоев, что выглядело странно: видит себя в будущей жизни только гинекологом, а имеет хвост.

Принимать зачет Агамирзяну помогал ассистент Паламарчук. Сысоев сел к Паламарчуку. Минут через пять раздались приглушенные пререкания, а потом гомерический хохот Паламарчука.

- Что случилось? – обеспокоился Агамирзян.
- Да вот... я попросил доктора назвать мне наружные половые органы...
- И что же он поведал? – усмехнулся Агамирзян.
- А вот что... – Паламарчук стал перечислять органы.
- Ну правильно, однако он назвал не все.
- Вот и я ему говорю, что не все. И знаете, что он еще добавил?

– И что же?

– Молочные железы.

– А еще знаменитого дедушки внук! – удивились мы.

Между тем Сысоев все-таки стал гинекологом, как говорится, назло рекордам и поперек пьедестала, но до главного не дотянул.

А вот с Калюжиным вышла незадача. Когда на первом занятии по судебной медицине все отправились в морг, он остался в гардеробе, так и просидев там весь цикл. Ведь по программе обучения каждый студент должен был сделать вскрытие, а Калюжин не то что вскрытие – даже и в судебно-медицинский зал войти не мог.

Так и отчислили с пятого курса, признав профнепригодным, и стала ясна причина его предыдущих отчислений-восстановлений. Руководители медицинской учебы все же не рубили с плеча, а давали человеку шанс. Причем до этого несколько раз. У меня нет однозначного ответа на этот вопрос, ведь прилежного студента можно, наверное, было впоследствии использовать на какой-нибудь теоретической кафедре. Биохимиком или генетиком. Да мало ли еще кем. Однако в дипломе-то написано: «Лечебное дело». А какое лечебное дело без навыка выполнить вскрытие?

Танец с саблями в голове

Гуманитарий Юлий Куксов был кандидатом наук и обладал уникальной способностью: в пьяном виде бредил на всех романских языках, включая диалекты. И порою вступал в диалог то с Данте Алигьери, то с Петраркой, то одновременно с Марселем Аленом и Пьером Сувестром – авторами, придумавшими Фантомаса. Как-то явился Александр Дюма-отец и спросил на ломаном русском языке:

– Откуда знаешь, куда девается изображение, когда напиваешься до изнеможения?

– Перемещается в лучшие измерения! – без запинки ответил Юлий.

– Неожиданная мысль! – похвалил его Дюма.

– Видите ли... – начал было по-французски Юлий.

– Ничего не вижу, – пожал плечами Дюма.

– А правду говорят, что вы – это не вы, а воскресший Пушкин?

– Чего-чего? – не понял Дюма.

– Ну, есть версия, что Пушкина вовсе даже и не застрелили на дуэли, а он уехал во Францию и стал Александром Дюма-отцом...

– И какой только чуши о себе не услышишь, – Дюма покрутил пальцем у виска, затем легонько постучал тростью по стенке. – А перегородки у вас хилые. Сразу видно, ремонт делали халтурщики!

– Однако не могли бы вы одолжить мне рублей пятьсот? – спросил Юлий.

– Трубы горят? – поинтересовался Дюма.

– В том-то и дело!

– Вот уж мне эта загадочная русская душа! – вздохнул Дюма, доставая бумажник. – У меня только старые франки...

– Сойдут и франки, тем более старые, загоню на галере один к десяти.

– Но разве можно столько пить?

– Нельзя, – согласился Юлий, покраснел от смущения и спрятал франки в 23-й том Большой советской энциклопедии.

Помимо писателя Дюма к Юлию приходили и другие не менее значительные люди. Как-то в изголовье своей постели он обнаружил и вовсе диковинного гостя с венцом на голове и одетого в тогу и сандалии. Судя по высокомерию манер, сразу было видно, что это высокопоставленный римлянин.

– Вы, случайно, не император? – охнул Юлий, вскакивая с постели. Римлянин кивнул и повелительным жестом разрешил ему оставаться в постели:

– Вы Юлий, я Октавиан, так что все нормально.

Однако продуктивного диалога не вышло, и, как гуманитарий ни пытался одолжить у Октавиана Августа хотя бы пару сестерций, ничего не получалось: император ни в долг, ни так денег не давал.

«Скряга!» – подумал Юлий и, когда Август исчез из его поля зрения, в отчаянии махнул рукой, мол, и скатертью дорога!

До поры до времени жена Куксова – Римма – боролась с пагубной привычкой мужа, насколько хватало сил. Поэтому, когда наступал критический момент, по газетному объявлению приглашала врача-нарколога. Врач из объявления ставил капельницу, на следующий день еще одну, постепенно возвращая Юлия в реальную жизнь. Но однажды после длительного запоя Юлий, вернувшись в комнату из уборной, сказал:

– Римма, выйди в прихожую, там стоит некормленный Росинант, надо бы дать ему овса, однако я никак не могу найти ясли...

Римма в тот момент лежала на диване и сквозь дрему читала роман Шолохова «Тихий Дон». В какой-то момент в ее голове тихий Дон переключился на Дон Кихота. И когда Юлий повторил про ясли, ничего не поняла, ведь их сын давно вырос. Ее вообще все это изрядно удивило, ведь Росинантом звали лошадь Дон Кихота. Тогда при чем тут тихий Дон? Но тут Римма увидела безумные глаза мужа, от страха лишилась дара речи и даже какое-то время заикалась, но потом все прошло.

– Ну-с, и кто же у нас Росинант? – спросил психиатр, когда Юлия доставили в больницу Скворцова-Степанова.

– Как это кто, как это кто?! – возмутился Юлий. – Конь! В прихожей неделю стоит голодный, и никому до этого дела нет!

– С крыльями? – уточнил психиатр.

– Кто? – не понял Юлий.

– Ну конь ваш этот... как его?..

– Росинант? Естественно, без крыльев! – усмехнулся Юлий. – Он ведь не Пегас!

– А вы тогда кто? – поинтересовался доктор. – Диск-жокей?

– Какой еще на... в... жо-жокей? – выругался Юлий, затем словно опомнился и скромно опустил глаза. – Я... тихий Дон Кихот.

В первый раз Юлия довольно быстро выписали из больницы, но через пару месяцев он принялся за старое, причем более усердно, чем раньше. Что же касается пьяного бреда, то в его речах появились новые идеи и оттенки. К примеру, теперь Юлий стал представляться древнегреческим философом Диогеном, залезшим в пивную бочку.

– Это вообще уже ни в какие ворота! – возмущался Дюма-отец, то и дело возникавший в пространствах его комнаты.

– Что вам не нравится? – артачился Юлий. – Лучше бы пожалели своих мушкетеров. А то Д'Артаньяну ядром в голову, а Портога вообще камнями!

– Не ваше дело! – возмущался в свою очередь Дюма. – Вот станете классиком, тогда и придумывайте свои сюжеты.

Зато вместо водки в какой-то момент Юлий принялся пользоваться настойку боярышника. Когда и Римма, и друзья, и Дюма-отец, и профессор Шарко напоминали ему о том, что польза от данного вещества сомнительна, а количество, им потребляемое, пагубно для здоровья, Юлий говорил:

– Ваше мнение для меня безразлично. Коль скоро препарат продается в аптеке, следовательно, имеет несомненную медицинскую пользу!

Когда ему пытались внушить, что ежедневное пьянство ведет к деградации личности, отвечал:

– Высшее философское образование – это высшее образование вообще, то есть применительно к любой сфере человеческой деятельности, так что я грамотнее вас по определению, поэтому не мешайте заниматься диалектикой!

Римма недоумевала:

– Господи! Ну какое у тебя может быть философское образование?! Тоже еще, понимаешь, Аристотель...

– Все должно быть по гамбургскому счету! – кричал Юлий.

– Фильм был такой, – вздыхала Римма.

– «Граф Монте-Кристо»? – оживлялся Юлий. – Это про меня. Однако в чьей трактовке?

– Нет, другой фильм, – Римма вздыхала в очередной раз. – Жизнь с идиотом!

– Не прикасайтесь ко мне! – кричал философ. – Я сегодня в бочке.

А потеря ее целостности, сами понимаете, может быть чревата внутривидовыми греко-римскими осложнениями!

Затем начиналась совсем уж полная чушь: Юлий проводил бруском для заточки ножей, как по стиральной доске, по батарее парового отопления и гнусавым голосом объявлял:

– Выступает народный артист Юлий Куксов, тр-р-р, безродный космополит и наследственный славянофил. Прелюдия называется: «Лунное затмение в городе солнца!» Музыка нечеловеческая, слова ненормативные. Ла-ла-ла... тр-р-р... фа-диез-минор!

Затем в его комнате долго солировал Челентано, причем по-русски: «Ты уехала на побережье, а я торчу один в душном городе. Но вдруг что это: гудок паровоза, стрекот самолета и я мчусь к тебе...» И уже по-итальянски: «Азурро! Иль померидже троп азурро лунго пер ме...»

Затем в течение трех суток не переставая пела Клавдия Шульженко: «Ваша записка в несколько строчек...», доводившая соседей до иступления.

– Баста! – кричал на весь двор Челентано.

– Баста! – хором отзывался весь двор.

И уж потом являлась мадемуазель Патрисия Кац огромных размеров, в костюме змеи и с папироской во рту. Потушив окурочек о потолок, она пыталась укунить Юлию за ухо:

– Ну иди ко мне, красавчик, я тебя поцелую...

– С ума сошла?! – возмущался Юлий. – Римма же здесь!

– А мы втроем поцелуемся.

К 10—12 дню запой доходил до критической точки: Юлий в лице философа Диогена прекращал бредить, вероятно, из-за того, что у него начиналась неукротимая икота. И тогда Римма снова приглашала врача-нарколога из газетного объявления. Иногда, если требовала ситуация, капельницы ставили и на второй, и даже на третий день. Почему-то Римма была уверена, чем больше Юлию поставят капельниц, тем дольше он потом не будет употреблять боярышник. Между тем в этом совсем не были уверены ни Ги де Мопассан, ни Эмиль Золя, ни даже Фантомас.

– Я не могу видеть твою зеленую рожу, ты мне уже осточертел! – кричал Юлий, а Фантомас отвечал, что еще немного – и Юлий сойдет с ума. И тогда конь Росинант, жена Римма и вся жилплощадь достанутся ему.

– После цветов порока Леди Бельтам твоя Римма будет мне наградой!

Наконец запой прекращался. Однако каждый период трезвости продолжался едва ли более трех месяцев. За это время Юлий умудрялся появиться в какой-нибудь популярной телевизионной передаче – на телевидении его знали и приглашали поговорить о театре. Иногда успевал сняться в кино, чаще благодаря внешним данным играл нервных интеллигентов: адвокатов, искусствоведов, врачей. Писал короткие стихи, в основном лирические:

В кромешной тьме шумели камыши,
И мыслей донимала кутерьма;
Запой – тяжелая атлетика души,
А также танец с саблями ума.

Но, получив за кино гонорар, устремлялся в очередное пике.

И брутальная мадемуазель Патрисия Кац, и Дюма-отец, и даже бородатые Карл Маркс и Фридрих Энгельс, являвшиеся всегда неразделимым дуэтом, словно сиамиские близнецы, умоляли Юлию прекратить пение. Но куда там!

– Могу спеть из репертуара Ива Монтана, не желаете Монтана – сумею из Элвиса Пресли!

И уже потом, в период интенсивного лечения капельницами, всегда звонила мама философа и актера, врач-эпидемиолог на пенсии.

– Ну что, как его состояние? Дюма-отец больше не приходил? А Челентано и Фантомаса тоже не было? – спрашивала мама Римму.

– Сегодня состояние вполне удовлетворительное. Доктор сказал, что обязательно приедет и завтра. Однако сегодня Юлию уже лучше.

Со стороны могло показаться, что речь ведется о тяжелом больном, у которого вскоре начнется ремиссия.

– Что значит «лучше»?! – негодовала бывший инфекционист-эпидемиолог. – Вы что, измеряли ему артериальное давление?! Или, может быть, делали электрокардиограмму?!

– А то и значит, что, по крайней мере, помалкивает и не несет всякий бред! И сейчас уже дремлет, а до этого несколько раз был в уборной... – оправдывалась Римма.

– У Юлия понос?! Тогда надо срочно сдать анализ кала на дизэнтЭрию!

– Мама, вы в своем уме? Я вот сейчас все брошу и понесусь в лабораторию с его... дизэнтЭрией! Да и вообще, он ходил только по малой нужде. Журчал там что-то.

– Так вроде или действительно, как вы изволили выразиться, «ходил по малой нужде»?

– Да перестаньте вы, мама, в самом-то деле, все преувеличивать и придирайтесь к словам! – Римма в этот момент уже рыдала.

– Да... Юлия давно пора серьезно лечить... – продолжала мама-эпидемиолог. – Я слышала, что в центре «Бехтерев» то ли в твердое небо, то ли в мягкое место вставляют какую-то жемчужную спираль, которая окончательно отбивает все желания...

– Да у Юлия давно уж отбиты все желания! Еще с позапрошлого месяца, когда последний раз побывал в вырезвители.

– Надо срочно вставить ему эту жемчужную спираль. Причем не медля ни секунды!

– Ну конечно... – отвечала Римма. – Только разменяю последние десять тысяч зеленых рублей и вставлю. И жемчужную спираль ему в области пупка, и бриллиантовое ожерелье в голову!

– У Юлия началось ожирение?! Я так и знала, ведь вы же совершенно не соблюдаете диету.

– Да не ожирение, а ожерелье с этой... с комнатной антенной, чтобы сигналы из космоса принимать!

– Все правильно, не сегодня-завтра начнется магнитная буря.

– Ну конечно, роман есть такой – «Рожденные магнитною бурей»! – злорадствовала невестка. – Как раз про Юлия! А мне тогда только и остается, что пойти на панель! И увидеть уже, наконец, небо в алмазах! И упасть уже окончательно в ваших глазах на этой самой панели!

– На улице гололед? Но мне показалось, что идет дождь, а я собралась идти в амбулаторию.

– О господи...

В трубке какое-то время раздавалось сердитое сопение, затем шорох, потом треск, сопровождающийся непонятным металлическим лязганьем, и Римме казалось, что свекровь перезаряжает старое охотничье ружье и приспособливает к ружью оптический прицел. Но через пару минут все начиналось снова:

– Имейте в виду: как только Юлий проснется, ему необходимо срочно сдать кровь на австралийский антиген, потому что вокруг сплошной гепатит, свиной грипп, коронавирус и начинающаяся лихорадка Эбола! Да! Выходя на улицу, он должен обязательно надевать шарф и шапку или в крайнем случае берет. И еще: как только выйдет из запоя, пусть тотчас же садится за написание докторской диссертации!!!

Полезьа и вред моржевания

Однажды врача Вову Ивашенцева разбил радикулит. Но ведь именно так и происходит: словно разбивается у тебя что-то внутри спины. Когда радикулит свалил в очередной раз, Вова решил, что уже все – финиш, без операции не обойтись. Ежу ведь понятно, что это межпозвоночная грыжа. Но кое-как из радикулита он тогда выкарабкался. И тогда дал слово, что радикально переменит отношение к жизни, а именно – станет закаляться. На такой шаг его сподобил человек по фамилии Дробный. Они работали в одной больнице, только Вова – ординатором неврологического отделения, а Дробный – ортопедом-стоматологом, и часто встречались по утрам в автобусе по пути на работу.

Как-то раз в конце ноября в автобус вошел Дробный с мокрой головой.

– В бассейн ходишь? – поинтересовался Вова.

– Да нет, я с Петропавловки... купаюсь... – шмыгнул носом Дробный.

В тот год зима была не просто лютой. Она была страшной. Весь январь температура не поднималась выше минус тридцати, а местами достигала 33—35. Стоять на автобусной остановке было невозможно. Реально было только передвигаться короткими перебежками. Возле Крестовского моста, около сточной трубы, на льду сидели утки. Их количество уменьшалось с каждым днем. К концу января уток в городе не осталось. А Дробный продолжал купаться в Неве.

– Обязательно продержусь, – говорил он. – А потом – не знаю, буду ли моржевать вообще. Слишком уж непростое это дело.

И продержался. Гвозди бы делать из этих людей...

В середине февраля той зимы Вова опять разболелся. Сначала стреляло только в поясницу, а потом стало отдавать в правую ногу. Ковылял, ковылял, не помогало ничего. На какое-то время облегчение наступало после новокаиновой блокады, которую он просил сделать кого-нибудь из приятелей-коллег, а потом все снова. В конце концов справился Вова тогда как-то со своим недугом. Видимо, наступило лето, а с ним пришло постепенное облегчение.

Но реализовать задуманное (в смысле – начать закаливание) у него долго не получалось, не было времени.

Лишь через год, уже поступив в клиническую ординатуру, Вова стал бегать на Петропавловку. Начал издалека, проплавав все лето в речке на даче, где отдыхали жена с детьми.

И вот в конце августа, напевая песенку про моржей: «В январе зима всерьез, отморозить можно нос, только мы идем купаться на Неву в любой мороз!», Вова бултыхнулся в воду прямо с моржового угла.

Удивила свежая холодная вода и большое количество резвых старичков, купающихся у Петропавловки. Время от времени какая-нибудь сухонькая бабушка сваливалась в невиские волны прямо с гранитного спуска, а потом просила: «Сыночки, дайте руку, а то мне уже и не вылезти совсем без вашей помощи...»

В то утро стояла ясная погода, а сильный юго-западный ветер нес с залива вместе с нагонной балтийской волной свежую воду. Короче говоря, с той поры Вова стал регулярно плавать, худо-бедно начиная ощущать себя причастным к общему благородному делу. Иногда по утрам, другой раз после работы прибегал к моржовому углу и, сделав короткую разминку, нырял с разбегу в воду. Иммуниет, нервная система и сосуды понемногу привыкли к холодной воде, и молодой организм стал отвечать какой-то внутренней легкостью и мышечной радостью. Конечно, среди моржей были и такие, по кому явно скучала психиатрическая больница. Приходили, к примеру, два брата-акробата. Они были словно братья-каратисты из фильма «Гений дзюдо». Один длинный и вялый, с каким-то прутиком на плече, а другой – поменьше, но активнее, маниакальнее, что ли. Вялый приходил к моржовому углу всегда с маской, труб-

кой и лапами. Это в конце сентября, когда по утрам в нашем городе, как правило, заморозки. А Вялый брал с собою лишь ласты, но зато плавал в этих ластах наискосок от Кронверки (вроде бы против течения) до самого Троицкого моста. И, доплыв, веселил из воды прохожих, идущих по мосту. Еще был деятель, похожий на штангиста-иллюзиониста Валентина Дикуля. Тот всякий раз прибегал размеренной трусцою, держа на плечах рюкзачок килограммов 30, из которого неторопливо извлекались гантельки, гирьки, и прочие металлические инструменты для накачивания мышц. В общем и целом было на кого посмотреть. Но ведь надо было с кем-то еще и общаться.

В конце концов Вова познакомился с двумя вроде бы нормальными старожилками местного общества, которые кивали при встрече на моржовом углу.

– Я тут двадцать лет купаюсь – и ничего... – каждый раз говорил инженер из института прикладной химии. Временами меня смущало качество невской воды. Когда не было нагонной волны, от нее исходил легкий керосиновый запах.

– Формальдегидики! – радовался инженер-химик, входя в воду. – Не могу без формальдегидиков!

Вторым новым знакомым оказался тромбонист из консерватории.

– И чем только ни лечился, и какими только средствами ни пренебрегал – ничего не помогало! – жаловался тромбонист, лежа на спине и покачиваясь на волнах, раньше он страдал фурункулезом. – А помогает единственное средство – наша невская водичка!

– И еще этиловый спирт в концентрации 40 процентов! – хмыкал инженер-химик, отставляя мизинец и выпрямляя большой палец правой руки.

– А формальдегидики? – спрашивал Вова.

– По всем специальным химическим вопросам обращаться туда... – и прикладной инженер показывал в сторону растирающего махровым полотенцем тромбониста.

Иногда они втроем, если купание выходило на вторую половину дня, выпивали после невских ванн в рюмочной возле метро «Горьковская». Порою, если дело выходило за пределы обычной пропорции, начинали болтать каждый о своем. Прикладной химик рассуждал о болезнях нервной системы и функциональной асимметрии мозга, упоминая работы американского нейрофизиолога Роджера Спери. Тромбонист плел про изотопы водорода, намекая на то, что все мы давно уже подвержены воздействию тяжелой воды.

– Всюду! Всюду окись водорода в состоянии сухом! – многозначительно понижая голос, декламировал он на всю рюмочную.

– Ну, во-первых, не окись водорода, а двуокись... – поглядывая в сторону прикладного химика, поправлял его Вова.

– Да называйте как хотите, только по голове не бейте! – отмахивался инженер. А Вова читал им стихи Блока, при этом нередко вместо Блока цитируя то Гумилева, то Ахматову.

В начале ноября подул сильный северо-западный ветер, который моряки-балтийцы называют «подсеверок». И тут же заметелило мокрым снегом, и наступила сырая стужа. Так получилось, что Вова не был на Петропавловке почти неделю. Носился с дежурства на дежурство, да еще где-то тараканов успевал травить по совместительству. Выходить же из температурного режима было довольно опасно для здоровья. А тут еще эта мокрая метель.

Однажды прибежал к моржовому углу, а приятелей почти и след простыл, лишь две небольшие лужицы возле крепостной стены, на которую обычно вешалась одежда. А может, вовсе и не купались они в этот день. Мало ли «в Бразилии педров», в смысле – в Ленинграде моржей.

Сделав короткую интенсивную разминку, он шагнул в воду Кронверки и встал на небольшой камень.

«Кой леший занес меня на эту голгофу?..» – подумалось, и вдруг из-за моржового угла вышла толпа каких-то южных интуристов, закутанных, словно французы при отступлении

из Москвы. Они увидели меня и обмерли. Нет, это не был восторг посетителей цирка, когда, перед тем как крикнуть акробату: «Алле!», все зрители в ожидании замирают. В глазах иностранцев был ужас. Они остановились толпою и стали смотреть на Вову, как смотрят на сумасшедшего, лезущего в водоем с крокодилами. А ему теперь уже ничего не оставалось, как только нырнуть с камушка и, вынырнув, пройтись бодрым, но неспешным кролем, а затем лечь на спину, как это делал тромбонист, и, покачиваясь на волнах, наблюдать за произведенным впечатлением. А иностранцы стали аплодировать, причем громко и долго.

«Дэньги давай!» – хотелось крикнуть, но постеснялся. А они стоят и не уходят. Вот ведь гады! Ему же вылезать пора, а они шоу себе здесь устроили. Делать нечего, прошелся еще раз легким брассом и опять лег на спину. Затем в третий раз. Не уходят. А в холодной воде все же лучше иногда стоять, чем плыть. Наконец, кто-то из них сообразил, кажется, это был их гид, что пора двигать дальше, иначе русский самоубийца вконец здесь очокурится или вмерзнет в гранит набережной. Тем не менее Вова все же простудился в тот день, поскольку пробыл в воде больше, чем следовало, и простудился. Правда, слегка. А может, просто в метро кто-нибудь чихнул, вот и возник этот насморк.

Позже Вова несколько раз возвращался к своему увлечению, а когда переехал в приморский район, то стал бегать в Озерки. В один из дней начала октября произошло следующее: после купания он переодевался и вдруг резко прострелило в пояснице. Еле оделся и с трудом доковылял до дома. Когда на следующее утро, преодолевая боль, стал собираться на озеро, жена возмутилась: «С ума сошел? С таким радикулитом? Так и до инвалидной коляски недалеко!»

Но Вова, хромя, все-таки пошел. Будь что будет. Разделся и не раздумывая нырнул. Когда обсыхал на ветру и растирался полотенцем, обратил внимание, что значительно увеличился объем движений в пояснице. А на обратном пути домой боли и вовсе прошли.

Как-то во время ровной зимы купался и в декабре, пробовал и в конце марта. Но не выдерживал. Радикулит не то чтобы совсем уж прошел. Стрелял время от времени, куда ему деваться? Но зато быстро проходил и без всяких таблеток.

От моржевания имеется несомненная польза, поскольку укрепляется иммунитет. Однако некоторые исследователи считают, что из-за постоянной выработки адреналина на моржевание формируется зависимость. И еще кто-то убежден, что от холодной воды может возникнуть ожирение сердца и облитерирующий атеросклероз артерий нижних конечностей. Вопрос, на мой взгляд, риторический.

Как скорая помощь ходила в оперу

Однажды в День медицинского работника сотрудникам скорой помощи устроили мероприятие – культпоход в Музыкальный театр для знакомства с оперой. Это постарался культмассовый сектор в лице диспетчера Губарева, завязанного театрала и загадочного плейбоя. Но ведь Губарев сначала хотел организовать культпоход на оригинальную версию «Евгения Онегина». Это там, где все певцы исполняют свои партии лёжа. Был еще вариант с «Лебединым озером» в исполнении лондонского мужского балета. Но потом организаторы гастролей передумали, и мужской балет к нам не пустили.

А те и обиделись, объявили нам санкции и заявили, что больше никогда к нам не придут, как бы их ни просили. Поэтому организаторы культпохода решили, что лучше уж идти всей скорой помощи наверняка и традиционным путем на «Пиковую даму». Тем более и сюжет в «Пиковой даме» вполне подходящий, поскольку в нем имеются все составляющие этой нелегкой круглосуточной службы. А именно: «смерть старой графини до прибытия», «внезапное заболевание Германна» и «суицидные действия Лизы», повлекшие за собой возбуждение уголовного дела.

Билеты распределили следующим образом. Начальство скорой помощи в первых рядах партера, бухгалтерия – в креслах бенуара, а все остальные – кто где, но основная компания на галерке.

– Отсюда видно лучше всего, потому что сбоку! – сказал фельдшер Чаадаев. – Помню, нас водили в этот театр, когда я был в детдоме.

– Лучше всего видно из царской ложи! – компетентно заявила акушерка Гладкая, которая в детстве посещала балетную студию.

– Э-э-эх... мы тогда с этой галереи яблочными семечками плевались вон в тот большой барабан, а он делал так: «Бу-ум»! А потом начался кордебалет, а может, и опера. Еще помню, что в начале там плясали, а тетка сказала в конце: «Ну что, Гаврила, не выходит у тебя каменный цветок?!» А Гаврила: «Не выхо-о-одит!»

– Да не Гаврила, а Данила! – поправила Чаадаева Гладкая.

– Нашел что вспоминать?! – фыркнул Копытин. Он был старшим фельдшером, поэтому поглядывал на Чаадаева свысока. – Вот меня в этот театр водила няня, и мы смотрели, мы смотрели...

– Медного всадника без головы! – напомнил реаниматолог Пятницкий.

Копытин насупился, поправил безукоризненный пробор и сложил на животе руки.

– А я когда-то здесь смотрела балет «Сотворение мира», – вздохнула Гладкая. – Адама и Еву танцевали Михаил Барышников и Калерия Федичева, а Богом был Юрий Соловьев.

– Калерия Валерьевна Федичева? – спросил Чаадаев. – Кардиолог с пятнадцатой подстанции?

– Эх вы, знатоки! – вздохнул Пятницкий. – Никакую Еву эта Федичева не танцевала, Евой всегда была Ирина Колпакова!

– А ты-то откуда знаешь? – удивился Чаадаев. – Тоже, как я посмотрю, тайный балетоман?

– И Федичева Евой была! – возразила Пятницкому Гладкая. – И танцевала ничуть не хуже Колпаковой!

Тем временем похожие на черных дроздов музыканты закончили разыгрываться, концертмейстер выдал длительную ноту, подстраивая под себя весь оркестр, и к пультам прошел строгий дирижер. Пока шла увертюра к «Пиковой даме», все помалкивали, даже Чаадаев. Когда контрабасы, сипло и словно из подземелья озвучили тему трех карт, он лишь пробормо-

тал: «Египетская сила!» и тут же получил тычок от Гладкой. Наконец поднялся занавес и зрителям предстала обстановка Летнего сада начала 19 века.

– Ничего не понимаю, – прошептал Чаадаев. – Я всегда считал, что напротив Летнего сада находятся Солдат с Матросом, а у них почему-то Петропавловка.

– Это художественный замысел такой, – пояснил Пятницкий, – это как бы олицетворение облика Северной Пальмиры тех лет.

– Да что ты рассказываешь этому темному человеку? – Копытин опять поправил пробор. – Он ведь и Пушкина с Лермонтовым, наверное, не читал!

– Ни фиги себе замысел? Петропавловку зачем-то передвинули...

– Я, наверное, тебя убью, если сейчас не заткнешься, – зашипела на Чаадаева Гладкая. – Нас же отсюда выгонят!

– Ха! Пусть попробуют...

Пока они пререкались, Елецкий начал свою певческую историю про старуху графиню и Сен-Жермена. Чаадаев слушал-слушал и вдруг заржал:

– А, вспомнил, я смотрел это кино! Это никакой не драгунский капитан, а следователь из управы. Ведь сумасшедший, что в гусарском колпаке, старуху потом все равно топором замочит из-за брюликов.

– Идиот, ты все перепутал! – закатила глаза Гладкая. – Топором старуху в «Преступлении и наказании», а это «Пиковая дама».

– Ну так я и говорю.

– Чаадаев, не заходитесь в конвульсиях! – заметил Пятницкий, а Копытин достал из кармана носовой платок. – Ну и ну...

– Молодые люди, пожалуйста, тише! – к ним подошла строгая билетерша. – Это же «Пиковая дама»...

– А мы и не знали! Думали, что это «Чиво-чиво-сан».

– Замолчи, придурок! – Гладкая ущипнула Чаадаева.

– Вот и ходи с таким в оперу! – вставил опять свою реплику Копытин, аккуратно вытер надушенным платком краешки губ и принялся сосредоточенно смотреть на сцену. Но в этот момент наступил антракт, и все отправились в буфет.

– Что будем пить? – спросил Чаадаев, наливая «Мартовского» пива.

– Я бы не отказалась от шампанского.

– А мне бы соточку армянского.

– Кофе глясе, – сказал как отрезал Копытин.

– С закусью тут как-то не очень. Одни эклеры в вазочках, – забеспокоился Чаадаев.

– Можно заказать бутерброды с икрой, – предложил Пятницкий. – Под коньячок будет неплохо.

Пятницкий взял с вазочки эклер и, откусив половину, заметил:

– Между прочим, в былые времена к темному пиву подавались именно эклеры. В этом заключался особенный писк. И кроме всего прочего, повышалась потенция.

– А к водяре подавались пироги с жареными гвоздями! – возразил Чаадаев. – Писка в этом не было, на потенцию не влияло, но не пропадать же добру!

Копытин, съев, наверное, штук семь эклеров и пять бутербродов с колбасой, отставил в сторону пустой стакан с глясе и налил себе бокал «Мартовского» пива. Гладкая хихикнула, а Пятницкий ткнул Чаадаева локтем в бок:

– Видал?

– Спрашиваешь.

Прозвучал первый звонок.

– Та-а-ак, что у нас там дальше? – Чаадаев развернул программку. – Герман в спальне у графини... ну, это уже по-нашему. Я же говорил, что этот Германн в итоге бабке челюсть подвяжет, а вы сомневались!

Мимо них в костюме цвета ультрамарин и в сопровождении дяди продефилировал культ-массовый сектор Губарев.

– Заметили, везде ходят только парочкой? – прошептала Гладкая.

– Ну так на то они и называются «племянник с дядей», – Пятницкий опрокинул в рот остатки коньяка и доел бутерброд.

– Мне бы такого дядю, я бы не работал! – заявил вдруг Копытин.

– И я бы не работала, – вздохнула Гладкая.

– А ты? – Пятницкий обратился к Чаадаеву.

– А мне по барабану, но Губарев-то работает?! – пожал плечами Чаадаев.

– Ну, допустим, что Губарев – фанат диспетчерской службы, и ни за какие коврижки не променяет свою должность, – предположил Пятницкий, – Но если все оставшиеся убегут к дяде, кто ж на скорой останется?

Пока шла долгая ария графини, Чаадаев заскучал и даже стал подремывать, прислонившись к плечу Гладкой. Пятницкий вынул бинокль и принялся им шарить по залу, ища знакомых. Копытин какое-то время сидел тихо, но потом чем-то обеспокоился.

Наконец, когда осерчавший и начавший уже свихиваться Герман, повторил несколько раз: «Она мертва, но тайны не узнал я...», Копытин схватился руками за живот и выбежал с галерки.

– Куда это он? – удивилась Гладкая.

– Известно куда – к дяде, а может, Герману помощь оказывать, – зевнул Чаадаев.

– А мне кажется, тут дело в другом, – покачал головой Пятницкий. – Как там у Пушкина в «Моцарте и Сальери»? Дюжина эклеров, икра, полдюжины бутербродов с колбасой, кофе глясе и «Мартовское» пиво – вещи несовместные. Вот если бы наш друг Копытин растворил бы все эти яства коньяком, тогда еще куда ни шло, а так – одни расстройства пищеварения.

После спектакля домой возвращались всей компанией. Копытин шел в общей группе. Был он аристократически бледен и аскетически печален, что, впрочем, не являлось чем-то необычным, поскольку было перманентным состоянием его тонко организованной психики. Когда Чаадаев предложил зайти к нему на Стремянную и добавить по 100 грамм, Копытин не стал отказываться, а так и пошел в общей группе. Ведь не зря говорят: «Вместе со всеми пришел, вместе со всеми и уйдешь». Тем более следующий день у них был выходным.

Ничем не удивил

Человек что колбаса – чем начиняют, то он в себе и носит...
Козьма Прутков

Всякий раз, являясь на прием, она устраивает комедию. Эта госпожа Дырялова Алевтина Адольфовна, синяя майка с надписью: «May the Force be with you» («Да пребудет с тобой сила»).

– Ничем-ничем не удивил. Ничем-ничем. А мог бы, а ведь мог бы...

– Удивляют в другом месте.

– Это в каком еще?

– Например, в кино или в цирке.

– Ничем не удивил, ничем-ничем. И ничего не показал, одна болтовня. И главное, не порадовал. Ничем-ничем!

– В каком смысле не порадовал?

– В самом прямом смысле! Ничем-ничем не удивил и не порадовал. А ведь мог бы, а ведь мог бы!

– Ерунда какая-то! Оказывается, я должен не только удивлять, а еще и радовать.

– Я, может быть, это заслужила.

– Вообще-то, у врача здесь иные цели.

– Цели у них! А зачем тогда в прошлый раз сам сначала намекал про эти цели, а сам потом говорил про климакс?

– Я про климакс не говорил, это состояние я называю менопаузой. К тому же ни на что не намекал.

– Нет, намекал, намекал. А у меня нет никакой паузы! Я что ему, музыкальный инструмент?

– Видите ли, вообще-то, о человеке, присутствующем здесь, тем более о докторе, говорить в третьем лице неприлично...

– Ничем-ничем не удивил, а ведь мог бы, а ведь мог бы! А так ничего не показал, все только про паузу, не специальный врач, а сам про паузу. А сам даже не осмотрел и ничегошеньки не показал. И ничем не порадовал, одна болтовня.

– Погодите, что я должен был вам показать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.